

Информационное противоборство как составная часть гибридной войны

Рысухин Глеб Владимирович

Аспирант,

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: glebrysuhin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается один из распространённых способов ведения гибридной войны – работа средств массовой информации. Отмечаются и анализируются примеры оппозиционных либеральных русскоязычных СМИ, которые использовали приёмы гибридной войны информационно-психологического характера, такие как дезинформация, пропаганда в освещении Специальной военной операции на Украине. Сравниваются между собой методы различных СМИ, таких как Meduza, T-Journal. Также был проведён ивент-анализ политических, экономических и социальных последствий акций гибридной войны против России.

Для цитирования в научных исследованиях

Рысухин Г.В. Информационное противоборство как составная часть гибридной войны // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 10А. С. 45-54.
DOI: 10.34670/AR.2025.33.35.008

Ключевые слова

Гибридная война, информационно-психологическая операция, оппозиционные СМИ, дезинформация, пропаганда, Россия, Украина, США, информационная безопасность, политический анализ.

Введение

В эпоху цифровизации, когда большинство людей на планете пользуется смартфонами и другими информационно-коммуникационными технологиями, колоссальное значение имеет информация. Благодаря новейшим цифровым технологиям, интернету и телевидению информация распространяется с огромной скоростью и оказывает сильное влияние на умы людей. В следствие этого информацию можно рассматривать, как отдельный инструмент, с помощью которого можно добиваться тех или иных политических целей.

Таким образом, можно утверждать, что информационное пространство становится полем боя, а информация - оружием, одним из центральных средств гибридной войны между государствами и противостоящими друг другу политическими силами. Исходя из этого, информационно-психологические операции приобретают в современном мире повседневный характер и являются одним из самых распространённых видов акций гибридной войны.

Понятие «гибридная война», имеет множество определений, а ее информационно-политические аспекты, зародились на рубеже XIX–XX вв. с развитием коммуникаций и технологий влияния на внутриполитические процессы [Чихарев, Бровко, 2020, с. 75]. Одно из развёрнутых определений феномена гибридной войны, дано Лондонским международным институтом стратегических исследований в справочнике «Military Balance»: гибридная война – это «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и скрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением [The military balance, 2015]. Отечественные исследователи в монографии «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века» показывают, что содержание понятия «гибридная война» наполнено многими знакомыми элементами, придающими при их соединении новый смысл среди международных отношений [Ачкасов и др, 2015, 244 с.]».

Одним из ключевых элементов гибридной войны является информационное противоборство, которое становится мощным инструментом воздействия на общественное сознание, дестабилизации политической обстановки и подрыва национальной безопасности государства. Актуальность исследования информационного противоборства в рамках гибридной войны против России обусловлена усилением внешнего давления на страну, активизацией информационных атак и необходимостью выработки эффективных стратегий защиты национальных интересов.

Предметом настоящего исследования является процесс и механизмы информационного противоборства в контексте современной geopolитической обстановки. Объектом исследования выступает совокупность информационных потоков, каналов коммуникации и методов влияния, применяемых в рамках гибридной войны против России.

Задачи исследования заключаются в следующем: 1) раскрыть сущность понятий "информационное противоборство" и "гибридная война" в их взаимосвязи и определить место информационного противоборства в структуре гибридной войны; 2) выявить систематизировать основные методы и технологии и информационного воздействия; 3) дать анализ основных направлений, целей форм информационного противоборства против России на примере оппозиционных СМИ в контексте Специальной военной операции (СВО); 4) представить

оценку влияния информационно-психологических операций оппозиционными СМИ против России на общественно-политическую стабильность и национальную безопасность России.

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем общенаучные методы, методы политического анализа, классификации и системный подход.

Основная часть

Особенность информационных войн как одного из элементов гибридных конфликтов заключается в их маскировке под легитимные информационные потоки, что затрудняет их обнаружение и противодействие. Такие информационно-психологические операции используются для создания иллюзии разнообразия мнений, формирования предубеждений и усиления внутренних конфликтов внутри общества. В современном мире, где информационные технологии и социальные сети достигли высокого уровня развития, успех зачастую определяется не числом уничтоженной техники, а степенью воздействия на общественное мнение и внутреннюю мораль страны-агрессора.

Применение информационного оружия развивается и распространяется чрезвычайно быстро. Эффективность его использования подтверждается практически всеми вооружёнными и политическими конфликтами последних десятилетий. Их опыт показывает, что современные методы информационной войны могут привести к таким последствиям, как утрата национальных материальных ценностей, изменение общественного строя и политической системы, распад государства и армии, крах экономики, уничтожение науки, обострение этнических и религиозных конфликтов и т. д. В информационной агрессии используются следующие методы: дезинформация и манипуляции, пропаганда, диверсификация общественного мнения; психологическое и психотропное давление, распространение слухов [Манойло, 2021, 133 с.].

Одной из главных угроз национальной безопасности России в первой четверти XXI века является активное развертывание геополитической информационной войны на нашей территории. Информационная война стала для нас повседневным явлением, информационное оружие ежедневно используется в информационном пространстве против России тысячами интернет-блогов и сервисов, телеканалов, газет и журналов посредством слухов, фейков, дезинформации. В таких условиях крайне важны анализ и систематизация технологий современных гибридных информационных войн и форм использования в них определенных видов информационного оружия.

Новейшие форматы информационного воздействия способны переформатировать массовое и индивидуальное сознание граждан, разрушить устоявшиеся ценности национальной идентичности и социальной солидарности и тем самым перепрограммировать социальное пространство в интересах внешнего субъекта влияния. Эти и другие существенные преимущества использования инструментов информационного воздействия перед традиционными формами - отсутствие потерь живой силы и техники, гораздо меньшая потребность в материальных ресурсах и финансах, относительная простота реализации, сложность противодействия - привели к активному переходу идеологического, и международно-политического и экономического противостояния в пространственное поле глобального информационного общества.

Сегодня ведущие страны мира применяют вооружённую борьбу только после предварительной информационной кампании, когда информационное поле противника

существенно дезорганизовано и риск поражения практически исключён [Орлянский, 2008, 66 с.]. В свою очередь, это привело к изменению сути использования информационного оружия и переходу от информационной войны первого поколения (когда информационные технологии использовались как вспомогательный арсенал и один из компонентов традиционных военных операций) к информационной войне второго поколения.

По мнению американских военных экспертов, информационная война второго поколения обеспечивает реализацию *следующих целей*: создание атмосферы бездуховности и аморальности, негативного отношения к культурному наследию противника; манипулирование общественным сознанием социальных групп населения с целью создания политической напряжённости и хаоса; дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью спровоцировать конфликты, посеять недоверие, подозрительность, усилить политическую борьбу, спровоцировать репрессии против оппозиции и даже гражданскую войну; снижение уровня информационной поддержки органов власти и управления, приводящее к принятию ошибочных управлеченческих решений; дезинформация населения о работе государственных органов власти, подрывающая их авторитет и дискредитирующая органы власти; подрыв международного престижа государства, его сотрудничества с другими странами; нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах [Hgyniae v, www].

Таким образом, целью информационно-психологической войны является изменение психологических характеристик людей (взглядов, мнений, ценностей, установок, мотивов, отношений, стереотипов поведения), групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом в желаемом направлении.

В современных гибридных противостояниях наблюдается значительное расширение *форм, методов и инструментов* применения информационного оружия в глобальном информационном пространстве. Такие противостояния в самом общем виде протекают в двух основных формах: информационно-технической войне и информационно-психологической войне. Первая из этих форм представляет собой высокотехнологичную форму традиционной, кинетической войны, основанную на широкой компьютеризации и электрификации. Это тоже вооружённый конфликт, но в нём используется только информационное, техническое и программно-математическое оружие. Вторая форма информационно-психологическая война — это воздействие на определённую аудиторию. В ней используются различные методы со скрытыми мотивами для создания атмосферы, в которой общественность является наиболее восприимчивым объектом влияния [Смирнов, 2013, 83 с.].

Так, М. Губанова выделяет следующие *инструменты информационного оружия*:

- предвзятое представление фактов и необъективное освещение определённой информации, связанной с конкретными событиями, с помощью целенаправленно отобранных (вырванных из контекста) правдивых данных; в то же время специально сформированная информация подаётся дозированно, с учётом нарастающего напряжения;

- терминологическая подмена, суть которой заключается в искажении изначального, правильного смысла принципиально важных, базовых терминов и интерпретаций мировоззренческого характера;

- дезинформация наоборот, которая возникает при предоставлении правдивой информации в искажённой форме или в ситуации, когда объект воспринимает её как ложную. Тогда возникает ситуация, когда объект на самом деле знает правдивую информацию о намерениях

или конкретных действиях другой стороны, но воспринимает её неадекватно и не готов противостоять негативному воздействию;

- «серая» дезинформация предполагает использование синтеза правдивой информации с дезинфекцией, а «чёрная» дезинформация предполагает использование преимущественно ложной информации [Губанова, 2018, 49 с.].

В последнее время появилось много новых форм и инструментов для использования информационного оружия в ходе информационной войны. К ним следует отнести «медиавирусы», политический «троллинг», «фейки» и «дипфейки», которые заполонили интернет-пространство социальных сетей.

Медиа вирусы — это события или явления, которые чрезвычайно быстро и широко распространяются в информационном пространстве в виде мемов и мемокомплексов с использованием каналов медиакоммуникации. Это единицы культурной информации, которые являются репликаторами социокультурных процессов, способными к самокопированию и конкурирующими друг с другом в борьбе за ресурс существования. Медиавирусы прямо или косвенно приводят как к глобальным, так и к локальным мировоззренческим и поведенческим трансформациям в социальном измерении [Сидоров, 2016, 124 с.].

Понятие «троллинг» характеризует процесс размещения провокационных сообщений в виртуальной среде с целью повышения социальной напряженности путем нарушения этических норм интернет-коммуникации. Троллинг обычно используется для того, чтобы отвлечь внимание общественности от острых тем и превратить конструктивную дискуссию в скандал, а также является одним из методов нападок с агрессивным распространением клеветы и слухов [Семедов, Соколова, 2025, 52 с.].

«Фейк» — это ложная, сфальсифицированная информация (преднамеренная дезинформация), которая публикуется в социальных сетях и традиционных СМИ как реальное и достоверное событие, чтобы ввести читателей в заблуждение. Особенно опасна новейшая форма этого явления — «дипфейк». Дипфейк — это механизм на основе искусственного интеллекта, который с помощью машинного обучения заменяет лицо одного человека на видео лицом другого человека. Эта технология позволяет любому человеку создавать видео с реальными людьми, в которых они говорят то, чего никогда не говорили. Эксперты и законодатели уже предсказывают, что этот высокотехнологичный способ «вкладывать слова в чью-то уста» станет самым современным оружием в информационной войне [Radio Liberty, 2023, www].

Основными задачами в области применения информационного оружия являются: 1) влияние на общественное мнение и позицию политической элиты; 2) пропаганда, психологические и подрывные действия в сфере культуры и политики; 3) дезинформация и намеренное распространение негативных слухов; 4) нанесение ущерба противоположной стороне дипломатическими средствами; 5) информационная поддержка диссидентских и оппозиционных движений; 6) вторжение в компьютерные сети и системы управления базами данных, заражение компьютерных систем вирусами, намеренное внесение различных ошибок в программное обеспечение объекта.

Следует отметить, что основной сферой применения всех этих форм информационного воздействия является глобальное медиапространство, а каналами его распространения — различные мессенджеры и социальные сети, которые становятся важным инструментом для интенсификации социальной коммуникации и организации политических протестов. Они используются отечественными и зарубежными субъектами для достижения собственных целей

за счёт эмоционального воздействия и деструктивных настроений. Очень сложно отличить так называемую «фейковую» информацию от реальных фактов, потому что фейковые конструкции основаны на частично правдивой информации.

При этом отсутствие государственной идеологии, общих ценностей общества, чёткой социально-экономической политики и критическое имущество расслоение общества могут представлять угрозу информационному суверенитету государства и процессам государственного строительства. Ряд исследователей считает неконтролируемость социальных сетей и виртуальных сообществ серьёзной угрозой национальной безопасности государства. С помощью социальных сетей можно не только влиять на общественное сознание, собирать людей для массовых акций и «цветных революций», но и вербовать наемников и координировать их действия, организовывать теракты и диверсии, проводить масштабные операции, наносящие неприемлемый ущерб противнику [Бураева, 2017, 71 с.].

Российские оппозиционные СМИ как инструменты информационного противоборства в гибридной войне против России. В современной геополитической ситуации гибридная война стала одним из ключевых элементов международных конфликтов, объединяющим кибервойны, информационные операции и пропаганду. В этом контексте роль СМИ, особенно оппозиционных, приобретает особое значение, поскольку они могут как объективно освещать события, так и служить инструментом дезинформации и подрыва внутренней стабильности государства. Российские оппозиционные СМИ по своей сути выступают как многоголосый дискурс, позволяющий критиковать власть, а зачастую, в рамках гибридных сценариев, стимулировать социальное недовольство и размывать национальные ценности.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 86% россиян пользуются хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, а доля пользователей новостных социальных сетей составляет 77% [ВЦИОМ, 2023, www]. В то же время значительная часть таких материалов, распространяемых оппозиционными СМИ, содержит недостоверные данные или пропаганду, направленную на дестабилизацию внутренней ситуации. Аналитики видят в этом явление подобие информационной диверсии, когда посредством громких обвинений и «разоблачений» вопрос о доверии к государству ставится под сомнение, подрывая гражданское единство и внутреннюю безопасность [Манойло, 2022, 110 с.].

Изучение таких случаев показывает, что зачастую журналисты и блогеры, связанные с оппозицией, могут оказываться под влиянием иностранных акторов, что подтверждается фактами сотрудничества некоторых из них с иностранными фондами и неправительственными организациями [Ткаченко, 2021, 72 с.]. В итоге, такая трансформация дискурса приводит к тому, что оппозиционные СМИ превращаются в платформу для асимметричной борьбы против России, создавая информационный фон, направленный на формирование критического отношения к власти и общественным институтам, что является важной частью гибридной войны на внутреннем фронте.

При этом значительная часть таких ресурсов получает финансирование из-за рубежа, что позволяет им сохранять автономность и устойчивость в условиях давления со стороны государственных структур. С начала СВО российские оппозиционные медиа значительно расширились, создав десятки новых проектов и увеличив финансирование старых. К концу июля 2022 г. ряд медиацентров управлял десятками проектов, получив в несколько раз больше средств из-за рубежа [Ветераны России, 2022, www].

Используя информационные технологии, оппозиционные группы создают образ власти как нелегитимной, неспособной защищать интересы граждан и сохранять порядок. Практика

показывает, что с помощью распространения фейковых новостей, провокационных сообщений и вызывающих эмоции материалов они формируют у аудитории ощущение кризиса, несправедливости и недоверия к институтам власти.

В качестве примеров рассмотрим такие оппозиционные русскоязычные СМИ как «Meduza», «T-Journal» и «Настоящее время», деятельность которых запрещена в России. «Meduza» – СМИ либерального характера, основанное в 2014 г., штаб-квартира которого находится в столице Латвии Риге, имеет свой Telegram-канал и You-Tube канал. 24 февраля 2022 г. «Meduza» выступила против СВО, применив лингвистический инструмент пропаганды и обозначив военные действия России как «вторжение на Украину», а также в Telegram-канале публиковались посты, содержащие антироссийскую позицию.

Содержание постов, сообщений и статей на сайте «Meduza» вполне соответствовало целям гибридной войны против России, которые направлены на: 1) внушение населению вины и стыда за действия своей страны (следует характеризовать как пропаганду); 2) подрыв доверия народа к власти и государственным институтам; 3) формирование панических настроений у населения посредством внушения, что Россию осуждает «весь мир», и создание ложного представления об изоляции России; 4) провоцирование страха и неуверенности у населения в завтрашнем дне посредством внушения об ухудшении экономического положения; 5) дискредитацию Вооружённых сил России и создание образа российского солдата, как военного преступника с целью подрыва гордости россиян за свою армию.

Во второй половине марта 2022 г. российские войска покинули территорию Киевской, Черниговской и Сумской областей Украины. Вскоре в интернете начали появляться ужасающие кадры из пригорода Киев, Бучи, с убитыми гражданскими лицами. «Meduza» представила данный инцидент, как военное преступление российских солдат как многочисленные убийства мирных жителей, приводя фотографии погибших в качестве неопровергимого доказательства жестокости и бесчеловечности российских военных [Telegram-канал Meduza., 2022, www]. Данный случай и его описание в «Meduza» имели целью спровоцировать ненависть к российским солдатам, а эти ложные сообщения следует расценивать как дезинформацию.

«TJournal» – русскоязычное СМИ, основанное в 2011 г. и закрытое в сентябре 2022 г. в связи с проблемами с финансированием проекта после блокировки Роскомнадзором. Владельцем «Tjournal» являлась «Vaizra Capital» – инвестиционный фонд, основанный в 2011 г. в Нью-Йорке, вкладывавший средства в технологичные компании. В начале проведения России СВО на Украине издательство «Tjournal» так же, как и множество других СМИ, активно публиковало посты о развитии ситуации в зоне боевых действий. Во многом данное издание использовало те же самые инструменты информационно-психологической войны, что и «Meduza». Среди категорий постов были представлены мнения политиков, экспертов и знаменитостей, имеющих антироссийскую позицию и осуждающих СВО [Telegram-канал TJ, 2022, www]. В результате аккаунт превратился в площадку, где доминировали антироссийские настроения, искались и интерпретировались факты и события, формируя ложное восприятие ситуации в стране и за рубежом.

В этой ситуации Россия использовала информационные кампании и официальные ресурсы для распространения своей версии событий, что помогло сформировать положительный дискурс о целях и методах проведения СВО, а также разоблачать ложные обвинения украинских и западных СМИ. В рамках борьбы с дезинфекцией регулярно стали проводиться специальные проверки и мониторинг социальных сетей и СМИ на предмет выявления фейков и пропаганды.

«Настоящее время» – русскоязычное СМИ либерального характера. Официально самостоятельное вещание начал 7 февраля 2017-ого года. Владельцем телеканала «Настоящее время» является радиовещательная организация, финансируемая правительством США Радио «Свобода». Штаб квартира телеканала Настоящее время находится в Праге. «Настоящее время», как и ранее упомянутые русскоязычные СМИ либерального характера, использовало инструменты информационной войны против России. В первый день СВО Настоящее время осудило действия России, обозначив их как «вторжение на Украину» [Telegram-канал Настоящее время, 2022, www]. Также как и в ранее рассмотренных СМИ в Telegram-канале Настоящего времени выкладывались посты об ухудшении экономического положения России, посты с одиночными пикетчиками и митингующими, в которых они выступают против боевых действий и выставляются в позитивном свете, посты с мнениями политиков, экспертов и знаменитостей, имеющих антироссийскую позицию и осуждающих Специальную Военную операцию, где они выставляются в положительном свете, посты разрушениями гражданской инфраструктуры, в которых обвиняется армия России и т.д.

После 2014 г., наступила своего рода эпоха постправды, когда факты отходят на второй план, а основное внимание уделяется элементам, связанным с обработкой информации, эмоциями и принятием решений человеком, которые подвержены влиянию информационной войны. Сегодня на этом этапе информационной войны страны коллективного Запада в своем противоборстве с Россией пытаются наполнить информационное пространство контентом, который в долгосрочной перспективе будет служить стратегическим целям по сдерживанию и поддержанию имиджа России как «агрессора». В этом контексте Россия реализует программы по повышению общей информационной грамотности граждан и развитию медиаграмотности среди молодёжи. Российские власти постоянно адаптируют стратегии борьбы с деструктивными информационными потоками, исходящими от оппозиционных СМИ и связанных с ними ресурсов. Одним из ключевых инструментов является усиление государственного контроля за информационным пространством: вводятся новые правила для блокировки ресурсов, распространяющих недостоверную информацию, а также ведется активная работа по укреплению законодательной базы, направленной на противодействие экстремистским и деструктивным материалам.

Заключение

В современном мире информация широко и агрессивно используется не как продукт или средство коммуникации, а как особое оружие, предназначенное для нанесения максимального ущерба конкретному объекту применения путём оказания вредоносного информационного воздействия в ходе информационной борьбы. Информационное оружие включает в себя как инструменты информационных технологий, предназначенные для вмешательства в работу информационных сетей других стран и кражи, искажения или нейтрализации информации, заражения и уничтожения этих сетей, так и информационно-психологические инструменты, предназначенные для оказания разрушительного воздействия на сознание человека, его мировоззрение, изменения его взглядов и убеждений, подрыва доверия к государственным институтам и социальному-политической системе собственного государства.

Основной по эффективности информационно-психологический удар по российскому обществу пришёлся на начало СВО, когда оппозиционные СМИ начали использовать широкий арсенал информационно-психологических инструментов для давления на российское общество,

а также пытались дискредитировать Вооружённые силы России и создать недоверие у населения России к своему правительству. Приведенные примеры подтверждают, что информационно-психологические операции стали неотъемлемой частью современных конфликтов, и готовность к противодействию им — залог национальной безопасности и стабильности в будущем.

Сегодня возрастает важность научных исследований социально-психологических основ человеческой природы как фундаментальной базы информационно-манипулятивных технологий. Информационные войны приобретают принципиально новые черты благодаря использованию социальных сетей, анализу поисковых запросов в Интернете и созданию персонализированных баз данных. Это также создаёт условия для точечного, индивидуально-целевого воздействия на человека с целью корректировки его личных ценностей, изменения идентичности и трансформации его идеалов в нужном для субъекта информационного оружия направлении. Не случайно проблема информационных войн и использования традиционных и современных форм информационного оружия чрезвычайно актуальна для России, особенно после 2014 г. Очевидно, что в новых geopolитических условиях России необходимо иметь и совершенствовать современную эффективную систему защиты национального информационного суверенитета, способную распознавать, предотвращать и противодействовать проявлениям информационной войны, а также проводить контрпропагандистские информационные операции.

Библиография

1. Вафин Э.Я. Демографические проблемы и меры их преодоления согласно Концепции демографической политики // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2023. № 15. С. 132–135.
2. Гармашова Е.П., Зубрилина Е.Е. Экономические меры демографической политики в Российской Федерации // StudNet. 2021. № 4. С. 9–27.
3. Гончар Г.П., Осипова С.А. Совершенствование механизмов демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Право и современные государства. 2019. № 6. С. 50–56.
4. Елисеева Н.В., Павленко В.А. Влияние политики государства на улучшение демографического состояния в России // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 3 (12). С. 136–144.
5. Качалкин В.М. Приоритетные направления совершенствования демографической политики в России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 2 (30). С. 181–191.
6. Матвиенко И.И. Федеральные инструменты демографической политики // РЭиУ. 2021. № 2 (66). С. 1–18.
7. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.
8. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.
9. Попова Л.А. Актуальные вопросы совершенствования демографической политики в области рождаемости // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 11-2. С. 6–12.
10. Ткаченко А.А. Социально-экономическая оценка развития демографической ситуации в России // Социально - трудовые исследования. 2021. № 4 (45). С. 89–97.

Information Confrontation as an Integral Part of Hybrid Warfare

Gleb V. Rysukhin

Postgraduate Student,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: glebrysuhin@mail.ru

Abstract

The article examines one of the common methods of waging hybrid warfare — the work of mass media. It notes and analyzes examples of opposition liberal Russian-language media outlets that employed methods of information-psychological hybrid warfare, such as disinformation and propaganda in covering the Special Military Operation in Ukraine. The methods of various media, such as Meduza and TJournal, are compared. An event analysis of the political, economic, and social consequences of hybrid warfare actions against Russia was also conducted.

For citation

Rysukhin G.V. (2025) Informatsionnoye protivoborstvo kak sostavnaya chast' gibridnoy voyny [Information Confrontation as an Integral Part of Hybrid Warfare]. *Teori i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (10A), pp. 45-54. DOI: 10.34670/AR.2025.33.35.008

Keywords

Hybrid warfare, information-psychological operation, opposition media, disinformation, propaganda, Russia, Ukraine, USA, information security, political analysis.

References

1. Vafin E.Ya. Demographic problems and measures to overcome them according to the Concept of demographic policy // The strategy of sustainable development of Russian regions. 2023. No. 15. pp. 132-135.
2. Garmashova E.P., Zubrilina E.E. Economic measures of demographic policy in the Russian Federation // StudNet. 2021. No. 4. pp. 9-27.
3. Gonchar G.P., Osipova S.A. Improving the mechanisms of demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025 // Law and modern states. 2019. No. 6. pp. 50-56.
4. Eliseeva N.V., Pavlenko V.A. The influence of state policy on improving the demographic situation in Russia// Education and problems of society development. 2020. No. 3 (12). pp. 136-144.
5. Kachalkin V.M. Priority directions for improving demographic policy in Russia// Bulletin of the Perm University. Series: Political Science. 2022. No. 2 (30). pp. 181-191.
6. Matvienko I.I. Federal instruments of demographic policy // REiU. 2021. No. 2 (66). pp. 1-18.
7. On state benefits for citizens with children: Federal Law No. 81-FZ of May 19, 1995 // ConsultantPlus. [electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.
8. Monthly payments to families with children: Federal Law No. 418-FZ of December 28, 2017 // ConsultantPlus. [electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>.
9. Popova L.A. Actual issues of improving demographic policy in the field of fertility // Russia: trends and development prospects. 2023. No. 11-2. pp. 6-12.
10. Tkachenko A.A. Socio-economic assessment of the demographic situation in Russia // Socio-labor research. 2021. No. 4 (45). pp. 89-97.